

Елена Басалаева

Когда яблони цветут

«Автор»

2026

Басалаева Е. М.

Когда яблони цветут / Е. М. Басалаева — «Автор», 2026

Семь глубоких и пронзительных историй, в центре которых — судьбы обычных людей, столкнувшихся с непростыми жизненными испытаниями. Первая любовь и зрелое чувство, дружба и предательство, поиск себя и преодоление предрассудков - всё это есть в книге. Через все истории проходит общая нить — вера в человечность, способность к состраданию и умение оставаться верным своим принципам несмотря на давление обстоятельств. Рассказы сборника были опубликованы в журналах "Литера", "Подъём", "Сибирские огни", отмечены литературными наградами.

© Басалаева Е. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Истории о любви и надежде	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Басалаева

Когда яблони цветут

Истории о любви и надежде

Юмка

Геометрия длилась долго. Чиркал мел по доске, поскрипывали стулья. На последних партах прятали телефоны, переговаривались шёпотом, а потом и вполголоса.

– Тихо! – пожилая Нина Дмитриевна как следует стукнула по столу торцом учебника, отчего все вздрогнули и ненадолго умолкли. – Я вам про эти прямоугольные треугольники уже третий урок вещаю, третий! А толку?! Единицы понимают, остальные сидят как чурки с глазами, не слушают и не хотят ничего!

По классу прошёл ехидный смешок.

– Безуглов, Косицына – одни двойки! – продолжала отчитывать класс Нина Дмитриевна, не замечая двусмысленности своего прежнего высказывания. – Усманов, Хашимов, Умирзаков! Джумагулов, Саганычбек! Ооржак! Вы за несколько месяцев геометрии не усвоили ничего! Как вас учить, если вы язык даже не понимаете? Бедная Анастасия Андреевна, что она с вами на уроках русского делает?! И хоть бы попытались. А то сидите, в телефоны эти свои воткнулись. У нас не было телефонов, в моё время!

– У вас диноза-авры были, – тягуче прошипели с последней парты.

– И все учились хорошо! И старших слушались! А сейчас с вами – никакой учёбы нет. Вот что вы понаехали, сидеть здесь без толку?! Свои проблемы разгрести не можем, а тут вы! Кому вы тут нужны, а? Никому!!

– Я маме нужен, – обиженно возразил задетый словами учительницы Авазбек, чем вызвал новую волну смеха.

– Так езжай к маме, Азбука, чё здесь сидишь, учиться мешаешь?

Бара сразу узнал голос Влада – нового вожака их седьмого класса, носившего гордую кличку Перо. Слово «перо» намекало на нож – не слишком прозрачно, однако для своих понятно. У Влада был красный питбайк, твёрдый взгляд и уверенность во всём, что он делал.

Бара, то есть Баранов, ещё укладывал учебник в сумку, когда Перо подошёл к нему вплотную и не допуская возражения тоном заявил:

– Го в столовку, поясню кое-что.

Прямо у кабинета матеши они повстречали соцпедагога и по совместительству учительницу ИЗО. Бара терпеть не мог её уроки, хотя рисовать любил: всё время вместо ИЗО получался разбор полётов – кто опоздал, кто сбежал, кто в джинсах пришёл, кого с вейпом застукали.

– Куда шагаете, Владислав? – не приветливо обратилась учительница к Перу.

– А что, поесть уже нельзя? – вскинув черноволосую голову, ответил тот.

– Можно-то можно... Смотрите у меня, – неопределённо пригрозила соцпедагог, приглядываясь не то к рукам, не то к толстовке Влада с надписью на английском языке.

В столовой было не протолкнуться. Серый сразу устремился к линии раздачи, но Перо окликнул его сурово:

– Сюда иди! Не жрать пришли...

– Ну хоть чай? – с надеждой спросил Серёга Попов.

– Ладно, – нехотя согласился вожак. – Вон, мелкие оставили как раз.

За белыми и жёлтыми столами сидели ученики младших классов, несколько учителей. Пахло творожной запеканкой, выпечкой и чем-то мясным. У окна Бара заметил невысокую

девочку в синем – тёмные красивые волосы, кукольный ротик. Она была новенькой и, кажется, училась в параллельном седьмом. Бара исподтишка рассматривал её, никак не ожидая, что девочка вдруг переведёт на него взгляд и с ласковой усмешкой спросит:

– Чего надо?

– Ничё не надо мне! – с инстинктивной грубостью отозвался Бара и поспешил как можно скорей отойти от новенькой.

Перо собрал свою команду в дальнем углу столовки, без предисловий объявил:

– Бара, Псих, Серый! Слышите – надо от слов к делу. Надо гастеров мочить.

– Зачем? – уточнил флегматичный Серёга.

– Надо! Кто на земле хозяин?.. Мы! Мы, а не они. Так что за нами правда.

Землю, то есть родную улицу, Бара – в крещении Даниил, вправду считал своей и любимой. Тут располагались школа, детский садик, склад, любимый магазин и психбольница. В психушке работали мать и батя Серого. Мать, то есть тётя Таня, жила с Серым всегда, а отец одно время не жил – только приходил в гости. Но совсем недавно вернулся, и пока было непонятно, надолго ли.

– Чё батя говорит? – беспокойно спрашивал Данил.

Ему вправду было интересно: собственный отец Баранова жил за тысячи километров отсюда, в южном городе.

– Говорит, что кругом психи, и он устал, – пожимал мясистыми плечами рослый Серёга.

– Факт, – соглашался Бара.

Данил часто бывал у Серого дома. Серый гостил у него тоже, но чаще всё-таки случалось наоборот: в квартире Поповых было побольше места – не одна комната, которую к тому же приходилось делить с сестрой Миланой, а две. Жарили попкорн, ели бутерброды, играли на телефоне. Одно было плохо: и тётя Таня, и Серёгин отец, имени которого Бара никак не мог запомнить, парили вейпы. Парфюмерно-химический запах вьелся даже в обои, так что спать в гостеприимном доме Поповых Бара не стремился, хотя друг и приглашал его несколько раз на ночёвку.

Серёга сам парил с прошлого года, с шестого класса, и уже несколько месяцев не особенно скрывал это от родителей.

– Почему тебя за вейпы не ругают? – не мог понять Бара. – За двойки – как всех, а за это – нет. Курить же вредно.

– Так они сами парят.

– Но ты-то, это, молодой организм.

– Не знаю, – снова пожимал плечами Серёга.

Во всём у него было так: Серый не знал. Он никогда не спорил и сегодня мог согласиться, что парить или там списывать с ответов плохо, а завтра, если его кто-нибудь пытался переубедить, верил, что это хорошо. Одним словом, Серый.

Другое дело – Миха-Псих. Психом его прозвали ещё в первом классе, потому что он мог внезапно расплакаться или начать кидаться книжками. Теперь Миха стал гораздо спокойнее и знал всё, потому что у него каждый вечер было валероведение. Брат Валера двадцати лет от роду, работавший на автомойке, вечером приносил домой нехитрый продуктовый набор и рассказывал братьям о том, что взрослая жизнь – скука смертная, в которой одна радость – бутылочка пива.

– Ну, ещё девочки, да и то не факт, – добавлял иногда Валера. – А так: пахота, пахота и пахота. Ещё начальник орёт. Лучше учиться, пацаны. Сидишь себе за партой, типа слушаешь, пишешь... Я бы получше учился – может, не вкалывал так. Да, мне бы в ваши годы нынешние мозги. Ладно, разбудите-ка Маринку, пусть поест.

Маринкой, Зожницей или Пенсионеркой братья называли мать, которая несколько вечеров в неделю лежала пьяной. Отца у них давно не было.

Данил выслушал пару таких вот уроков валерования и больше приходить к Михе не захотел. Валера скорее понравился ему, чем наоборот, но от присутствия спящей Маринки мучило чувство стыда и жалости.

Влад тоже учил жизни, как Михин брат, и тоже был умным, как Серый. Поэтому, когда Влад сказал, что во всём виноваты «чёрные», Бара поверил. Правда, ему захотелось уточнить, кого называть этим именем, а кого – нет.

– Ну как, блин, кого? – раздражённо дёрнулась крепкая фигура Пера. – Узкоглазых всех. Нерусских.

– Только которые козлят или прямо всех?

Перо сунул руки в карманы, угрожающе подался вперёд:

– А кто из них не козлит? Кто? Они все вредят нам. Все до единого. Ты пойми: хороших среди них – нет. Они все жадные и мстительные. И тупые. Ты знаешь, что они делали с русскими в девяностые годы? Мне брат всё рассказал! Орали: «Чемодан – вокзал – Россия!» и гнали из своих стран. А кто не уезжал сразу и добровольно – тех резали. Резали, понимаешь, как свиней! А мы терпим их на своей земле. В своей школе. Даже Нина и то говорит, что если бы не чёрные, то мы бы дальше ушли в математике! Так же и на русском...

– Ну, это да. Азбука даже читать нормально не умеет. И Камыш тоже...

– Да все они, все восемь штук чёрных. Плюс остальные из параллели.

– У нас ещё тувинцы есть, – поправил Бара. – Они же здесь, в Сибири, вообще очень давно живут. Мама мне говорила.

Влад презрительно нахмурился:

– Слушай, я в их сортах разбираться не намерен. Для меня они все на одно лицо и сочувствия не заслуживают. Меня брат так учил, а брат у меня большой человек. Первый будет Абибас. Больше всех достал.

– Факт, – согласился Бара.

Дела Аббаса Хашимова были известны всем: приехав в прошлом году, он начал с того, что потихоньку колот девчонок иголкой и научил этому ещё некоторых пацанов. Потом на парте увидели его надпись «Русские ишаки» и ещё какие-то слова на своём. В раздевалке он выгребал мелочь из карманов, обрывал вешалки на куртках и оплёвывал семечковой шелухой чужие рюкзаки. За это его заставляли вести дневник поведения, который он регулярно терял, и вроде как вызвали родителей, но кончилось ничем. Говорили, что отец Аббаса даже не стал слушать Нину и завуча, потребовал, чтобы перед ним за столом переговоров сидел мужчина. Бара ещё тогда подумал: зря не пригласили физрука, а ещё лучше – англичанина. Англичанин был его любимым учителем – красиво и умно выражался, много знал и владел не только английским, но ещё и китайским языком. Может, и на таджикском о чём-нибудь бы договорился, или там на узбекском – чужие наречия Бара не очень различал.

Беседы так и не вышло. Аббас вправду становился хуже и хуже. Самое плохое заключалось в том, что с него стали брать пример нерусские пацаны из класса и даже из параллели. Раньше были вроде парни и парни – нормисы, как говорила сестра. С приходом Абибаса они стали держаться в стороне и болтать по-своему, используя для связки русские слова, особенно матерные.

– Мам, что с ними случилось? – спросил как-то Бара. – Например, с Эрмеком. Знаешь, как в мультике «Остров сокровищ»: «Он был хорошим мальчиком, пока не связался с пиратами».

Мама задумалась на секунду, не больше:

– Насколько я знаю, у них, у азиатов, есть понятие «махалля» – община. В каждой такой общине свои старейшины, они следят за порядком. Вообще за всеми подопечными следит. Вот ваши ребята и думали, что у нас тоже должен быть такой староста. А у нас его нет. И им кажется, что они могут делать всё, что угодно, если за ними нет контроля.

– А Нина? – удивился Бара и при матери вежливо добавил. – Дмитриевна.

– Похоже, она для них не авторитет, – развела мама руками.

Данил любил разговаривать с мамой: она знала всё или почти всё – не зря ведь была преподавателем в техникуме. Но, зная многое, она не могла дать ответ на то, что с этим делать. А Влад, кажется, мог.

От школы до дома было идти всего ничего – пять минут. Бара заметил неладное, только когда стал расстёгивать ботинки. У него они были совсем новенькие – мать не пожалела денег, купила в подарок на новый год. А эти оказались вытертые, и «собачка» у замка с отломанным краешком.

– Блин, чужие надел, – проворчал Бара, думая, что завтра его ждут долгие поиски своей обуви.

Однако почти сразу, когда ещё ничего не узнавшая мама позвала его мыть руки, коротко тренькнул телефон: в чате класса появилось новое сообщение.

«Кто та поминал мои сапоги, скажите не видели», – писал Азбука.

– Вот чурка с глазами, – выругался Бара словами Нины Дмитриевны, как будто во всём виноват был один Авазбек.

– Ты куда? – прокричала вдогонку удивлённая мама.

– Я быстро! Кое-что в школе забыл!

Азбука уже сидел на низенькой лавочке в холле – скорее всего, он никуда и не уходил.

– Эме, зачем моя сапоги взял? – спросил он с укоризной.

– Кто взял? Ты ещё скажи – украл. Не нужны мне твои ботинки, – Бара брезгливо скинул с себя чужую обувь.

Азбука покачал головой, аккуратно пощупал сломанную «собачку»:

– Зачем кидать? Хорошие ещё сапоги. Ты же в них путь прошёл.

– Извини, – нехотя бросил Бара.

Школьный холл казался пустым: за стойкой занимал своё место скучающий охранник, в дальнем углу коридора валялась оставленная кем-то сменка. Но, повернув голову направо, Бара обомлел: будто из воздуха соткалась та самая девочка, которую он утром видел в столовой.

– Опять ты, – сказала она, озорно сверкнув круглыми глазами.

Было не до конца понятно, кому она улыбается и о ком говорит, но на всякий случай Бара пригладил корейскую стрижку ладонью.

– Привет, – опередил его Азбука.

Девочка засмеялась, запрокинув голову, и убежала в раздевалку.

Бара хотел окликнуть её, но язык застыл во рту: как позовёшь, не зная имени?

– Слушай, что задали? – Авазбек осторожно тронул его за руку.

– Чё?! – раздражённо отозвался Баранов.

– Уроки что задали? Русски, общество? Меня дневник не грузит.

– Не помню я, – Бара нервно стал дёргать заедающую молнию на ботинке, надеясь догнать девочку. – Ты делать будешь, что ли?!

– Буду, – кивнул Авазбек. – Дед говорит: учи русски язык, никуда без русски язык. А ты где сапоги купал? Я в Торговом.

Подняв голову, Бара у выхода невысокую фигурку в тёмно-голубом пуховике. Бесшумно повернулся турникет, дверь с лёгким стуком закрылась.

– Уроки тебе! – раздражённо проворчал Бара, злясь на себя непонятно за что. – Понаехали тут! А сами в девяностых русских выгоняли!

Авазбек укоризненно покачал стриженной головой:

– Кто выгонял? Я не выгонял. Отец сказал – Сибирь едем, и всё. А я хотел? Лучше бы мы жили у себя, вы – у себя, и гости ездить. Там у нас тепло. Там арбузы. Бабушка там. Приезжай Кыргызстан летом. Тебе нравится!

Бара недоверчиво усмехнулся, пытаясь понять, врёт Авазбек или не врёт.

– А если я возьму и реально приеду? – он глянул на одноклассника в упор.

– Приезжай! Мы с мамой летом поедem. Тебя возьмём.

– Ладно, извини, – уже миролюбиво сказал Бара. – Правда, что ли, зовёшь? Куда?

– Правда, – Авазбек пожал плечами в большом, не по размеру, пиджаке, и улыбнулся.

– Ошский область.

– Ладно. Пока.

Бара уже хотел протянуть ему руку, но вовремя спохватился и потряс в воздухе пальцами, будто остужая их после случайного прикосновения к плите.

– Вы долго ещё тут болтать будете?! – недовольно окликнул мальчишек охранник.

Когда оба уже стояли на крыльце, в окнах первого этажа погасили свет.

– Хотел бы ночью в школе побывать? – зачем-то захотел узнать Бара.

– Я был, – неожиданно ответил Азбука. – Дядя сторож был в школе.

– Не страшно?

– Нет. Война страшно.

Бара уважительно кивнул. Давно пора было расходиться, но напоследок он спросил:

– Слушай, ты знаешь, как её зовут?

– Кого?

– Ну как кого... Ту девочку возле раздевалки. Только что с нами была.

– А-а, – растянул губы в улыбке Авазбек. – Снежана она. Красивое имя.

Доедая вторую порцию пересоленной картошки, Бара думал, что Перо на его месте не стал бы заводить разговоры с Азбукой. Да, он бы просто кинул ему под ноги ботинки и вернулся. Но Бара бы так не смог. Больше того – он бы очень хотел, чтобы Азбука случайно не оказался завтра с Абибасом. Перо всегда говорил, что нерусских друг от друга не отличишь, но Азбуку Бара стал отличать, и с этим ничего уже нельзя было поделать.

Утром он проснулся от разговора мамы и сестры. Оказалось, Милана заболела. Мама сидела у её постели с телефоном в руке.

– Может, в аптеку сходить? – предложил Бара больше из вежливости.

– Спасибо, Данил. Разве что вечером. Температура высокая, надо врача вызывать. Посмотрим, что выпишет. Может, придётся на больничный идти.

В этом месяце он собирался попросить у мамы две тысячи на приставку и совсем не хотел, чтобы она шла на больничный, потому что тогда ей заплатят меньше.

– Не ходи, – попросил он её. – Я же с утра дома. Я буду Милане таблетки давать, какие скажешь. А к вечеру ты уже вернёшься. Она только пару часов будет одна.

– Хорошо. Спасибо, сынок, – сказала ему мать как взрослому.

Бара ушёл в школу на час раньше, когда сестра уснула. Мама давно была на работе. Он отлично помнил, что сегодня они с Пером, Серым и Психом собирались напасть на Абибаса и всех, кто окажется рядом с ним. Но думать об этом не хотелось. Даже мысли о возможной покупке новой приставки почему-то не радовали. Бара возвращался в уме к одному: прийти в класс «В» и увидеть Снежану. Какое же у неё красивое старинное имя! А ему ещё мельком показалось, что она не совсем русская. Глупости. Нужно найти её прямо сегодня. Нет, сегодня

всё-таки лучше не надо. Сегодня будет драка. Отвлекаться нельзя. Даже не в том дело, что отвлекаться, а вообще... Как вместить в один день встречу с ней – и это?..

Бара вначале двинулся в противоположную от школы сторону – туда, где был сквер и вкусная шашлычная. Подумал купить шаурму, но решил, что лучше сохранить деньги на приставку – каждая сотка дорога.

Через несколько минут он добрался до перехода. Школа была направо, а прямо – путь к маленькой церкви и кладбищу. Они с мамой ходили туда месяц назад на Крещение. Стояли в очереди за водой после службы. Тогда мимо них прошли с полными канистрами две нерусские женщины, и кто-то в толпе удивился:

– Смотри, не нашенские, а верят.

– А что? Тоже Божьи люди, – ответила собеседница.

Мама тогда сказала, что крещенская вода – святая, целебная. Бара поверил и выпил за вечер литровую банку. Оказалось, что это много... Но всё-таки вода, видно, действовала: заканчивался февраль, а он ни разу не простудился.

На крыльце он встретил Артёма. В прошлом году они ещё дружили, потом Тёмыч на время куда-то переехал, а после в классе появился Влад, установивший свои порядки, и с Артёмом общаться перестали почти все.

– Ты что так рано? – спросил Бара.

Артём неловко дёрнул худыми плечами:

– Гуляю...

Баре показалось, что они с Артёмом никогда не прекращали дружить, и он спросил:

– Как батя?

Тёма посмотрел на него печальными светлыми глазами:

– Он на операцию пошёл. На специальную.

– Что оперировать?

Артём покачал головой:

– Не что, а кого... Воевать будет на Донбассе.

– Да ты что!

Бара запереживал за Артёма всерьёз: у того и так не было мамы. Когда-то с Артёмом и его папой по очереди жили две мамы: одна злая, другая добрая. Добрую маму обидел Артёмов отец. Она ушла в слезах с новым ребёнком. Злая куда-то пропала сама. А теперь вот и отец уехал.

– Скоро вернётся?

Светлые глаза Артёма из печальных сделались серьёзными:

– Когда нацистов победят.

Бара попробовал слово на язык:

– Нацистов?

– Да. Их нужно победить, как раньше, в Великой Отечественной.

Хотелось спросить ещё многое, но тяжёлые двери школы уже стали то и дело хлопать, пропуская внутрь здания учеников второй смены.

На биологии Бара почти ничего не слушал – думал о том, как подойти к Снежане, как с ней заговорить, чтобы не выглядело смешно. Делая вид, что списывает с доски, он наметил на последней страницы тетради несколько длинных штрихов – это были шёлковые волосы Снежаны. Немного подумав, он добавил к ним цветок, похожий на лилию, и попытался дорисовать профиль с маленьким прямым носом, но получилось плохо, и Бара в смятении закрасил весь рисунок, кроме белого цветка. Нынешняя драка с нерусскими ещё больше стала казаться ему чем-то странным, ненужным. Однако после математики Перо опять собрал всех в столовке и напомнил о расстановке сил:

– Я им путь загорожу. Псих справа. Бара слева. Ты, Серый, тяжеловес, ты сзади прыгнешь. Они у нас далеко не уйдут. Несколько раз так сделаем, будут нас бояться. Поняли?

Когда Перо говорил, его тёмные глаза блестели азартом, и казалось, что все его решительные слова – правда. Но эта правда всё равно не нравилась Баре, и на последнем уроке он думал только об одном: скорей бы побить этого Абибаса и кто там будет с ним, показать, что не трус, – и забыть обо всём. А может быть, и прямо сказать Перу, что он не хочет... Нет, пока не нужно. Иначе будешь как Артём – всё время один, сам по себе.

Они рванули из класса ещё до звонка, похватили куртки в раздевалке и скучковались возле турникета. Красную куртку Абибаса Бара, кажется, чувствовал спиной. Рядом с ним болтались двое его подлипал. Надо было подкрасться на крыльце слева и, как договаривались, повиснуть на одном из пацанов, свалить его на пол. Расчёт шёл на быстроту и внезапность.

Бара выскользнул на улицу и жадно вдохнул вкусный морозный воздух. Он замешкался всего на пару секунд, но парня, которого он заранее приметил у выхода, рядом уже не оказалось. Вместо него на крыльце стоял Азбука и глупо улыбался.

Послышался глухой звук падения – Перо сбил с ног тяжёлого Абибаса. Через секунду они сцепились, покатались по утоптанному снегу, нечленораздельно рыча. Миха-Псих кинулся на высокого пацана, но получил от него по лицу и, жутко воя, закрывал трясущейся рукой разбитый нос.

– Н-но! – то ли пригрозил, то ли приказал Перо, на секунду отлипнув от противника. – Какого чёрта стоите, соевые ?!

Голос звучал гневно, требовательно. Баре показалось, что время на школьном дворе остановилось, и за одну секунду он успел охватить взглядом всех: кругломордого Абибаса, красивого и злого Влада, жалкого Миху-Психа с разбитой физией, растерянного Азбуку... Вдруг ему стало всё равно, что о нём подумает Влад, а тем более Миха. Пусть говорят, что он трус – он всё равно не хочет делать, как они... Артёмов отец знает, за что воюет. А он – за что он будет бить этих пацанов? Почему? Потому что у них другие лица?!

– Гитлер дря-а-ань! – заорал Данил во всё горло и ринулся прочь.

Он летел вперёд, зачерпывая снег плохо застёгнутыми ботинками. Позади остался школьный забор, «зебра» через неширокую дорогу, двор Михи-Психа, а он продолжал бежать, пока не обессилел и не упал в снег под высокими тополями.

Ему хотелось нырнуть в сугроб, чтобы, вынырнув, попасть в другой мир – светлый и добрый, где не было таких, как Перо и Абибас, но была она. В синей кофте с карими глазами, с белой лилией в тёмных волосах. И чтобы улыбалась только ему. В прошлый раз он не понял – ему или Азбуке.

Данил едва успел встать и заметить, что в вечернем воздухе разлилась чернильная синь, как сзади навалился кто-то тяжёлый и снова уронил его в снег.

– Серый! – узнал он друга по басовитому смеху.

– Я тоже за тобой побежал, – сказал Сергей, отряхивая плечи. – Я ещё на последнем уроке подумал, что в этот конфликт ввязываться не стоит.

Данил подул на озябшие пальцы, посмотрел на друга с удивлением:

– Как тебе сказать, почему я убежал. Ну, короче... Вот у Артёма отец воюет – он дерётся за Россию. А мы за что?

– Мы за Влада. Помнишь, он всё говорил: мой брат, мой брат – большой человек? Так у него брат в тюрьме сидит. Это мой отец узнал.

– Твой отец? – на всякий случай переспросил Данил.

– Ага. Он ведь у меня вчера сходил в школу, с Ниной поговорил. Сказал, может, Абибаса на семейное уберут, если все наши родители подпишутся. Ему так и сказали: учителя ничего не могут сделать, а родители вроде могут.

– Влада тоже можно куда-нибудь убрать, – вдруг сорвалось у Бары.

– В принципе, между ними много общего. Отец говорит, это акцентуированные эпилептоидные личности. Только Аббас этого...неустойчивого типа, а Влад – просто. У них картина мира драматичная и негативная. Оба считают, что мир жесток и несправедлив, и, значит, надо играть по его правилам. Разница в том, что Хашимов – бунтарь-одиночка, а Владу нужна стая, потому что он любит во всём контроль.

Данил ошарашенно смотрел на Сергея, непонятно когда усвоившего такие учёные слова.

– Короче, Влад просто хочет командовать нами, а не искать какую-то правду?

– Типа, – с улыбкой кивнул Сергей. – К тому же ты посмотри на его внешность: тёмные глаза и волосы. Он сам как бы отрицает в себе восточные черты и поэтому агрессивен.

Данил почувствовал, как по озябшим пальцам и ладоням пробегают колющие искры тепла, и рывком поднялся с земли.

– Слушай, щас повода для драки на самом деле не было, но если этот Абибас ещё при мне кого-то из девочек ткнёт иголкой, я его... Я с ним один на один!

Сергей всем видом продемонстрировал, что верит, и щедрым жестом ссыпал в ладони друга жевательные конфетки.

Они не спеша двинулись в сторону улицы. Данил спросил:

– Ты случаем не знаешь, как фамилия у Снежаны из «В» класса?

– Какой Снежаны?

– Ну, этой... С такими блестящими волосами, ходит в синей кофте. Новенькая она... – Баре казалось странным, что можно не понимать, какую девочку он имеет в виду.

Серёга в раздумье потёр толстый нос.

– А-а, вспомнил. Так я её фамилию-то не выговорю. Она ведь не Снежана. Просто так себя называет, чтобы звучало.

– А кто же она тогда? – опешил Данил, перестав жевать конфету.

– По-настоящему она Юмжана.

– Да? Так она всё же тувинка?

– Никакая она не тувинка, – поправил Сергей, – а простая бурятка. Юмка её зовут.

– Всё равно, – выдохнул Данил в вечернее небо. – Она – самая красивая!

Колдунья

– У-у-у...пик-пик-пик-пик-пик-пик...

Птичьи трели, неземные напевы, открывающие портал в чудный мир.

– Ч-ш-ш...тр-р-р, ч-щ-щ...

Пятисекундная цифровая буря, после которой – вылет в стратосферу.

Плоская коробочка замолкает. Подмигивает зелёный огонёк. Замирает в радостном предчувствии сердце.

– Дарья!

Мы вздрагиваем от сердитого возгласа Дашкиной мамы.

– Ты опять в этот свой Интернет полезла?! Я только хотела Татьяне Петровне позвонить!

Моя подруга включает специальный «пожалельный» голос:

– Ну ма-ам... Всего-то на полчаса. Я почту проверю. По урокам кое-что посмотрим.

– Реферат по истории доделаем, – подыграла я Дашке.

– Угу, реферат, – скептически хмыкает тётя Галя.

Она стоит несколько долгих секунд и говорит всем видом: «Так я вам и поверила!» Тётя Галя была права: в пятнадцать лет у нас на первом месте стояли точно не рефераты.

– На полчаса! – предупреждает нас Дашкина мама, подняв палец вверх. – И не больше!

Она, человек 20 века, ещё не очень понимает, что больше всё равно не получится: тёмно-синяя карточка «Джинс» была рассчитана ровно на скудные 30 минут.

– Погнали быстрее! – шепнула Дашка. – Я тут форум нашла про музон. Вчера кассету Алсу купила. Песню послушай.

Зашуршала магнитофонная лента. После мелодичного проигрыша из серой коробочки послышалось исполнение, полное чувственных придыханий.

– Улетели бе-елые мете-ели! Почему же мне-е-э – ночью не до сна-а-а? Мы с тобой знако-о-омы две неде-е-ели! Что же ты со мно-ой? Делашь, весна-а?! – самозабвенно напевала моя подруга.

Дашка любила Меладзе, Алсу и песни из бразильского сериала «Клон». Я отдавала предпочтение «Алисе», «КиШу» и Цою. Но мы дружили.

– Смотри, Ленка, я похожа на Алсу?

Подруга открыла фото любимой певицы и застыла в ожидании моего ответа. Мне лгать не пришлось – у обеих была смугловатая кожа и роскошные тёмные волосы, спускающиеся по плечам.

– Я ещё в «аске» зарегалась. Ой, Ленка, скорей бы у тебя появился комп! Это так круто, та-ак круто!

– Что за аська? – любопытствовала я.

– Ну клуб такой. Называется чат. Там регистрируешься, смотришь, кто онлайн висит – ну, кто в инет зашёл, и можно пообщаться. Познакомиться, там... С мальчиком каким-нибудь интересным.

– Ты познакомилась?

– Да так, – уклончиво ответила моя подруга. – Давай тебя зарегаем, да? Давай, пока фотки грузятся?

Я отказалась:

– Нет. Мне кажется, так не познакомишься нормально. Надо...по-настоящему.

– Все знакомятся, а ты, что, особенная? – хмыкнула Дашка.

Уставившись на меня своими синюющими глазами, она проницательно качнула головой и медленно проговорила:

– Знаю, ты всё по своему Вовочке сохнешь. Забудь ты его уже.

Я отвернулась, чувствуя, что краснею.

– Не могу.

Дашка заговорила тоном своей мамы:

– Просто в нашем возрасте пацаны ещё вообще дети, короче... Зелёные совсем. Им только вон – с гаражей прыгать да гудрон жевать. Боевики свои смотреть. Они понятия не имеют, как за девушкой ухаживать. Как её, там, в кино сводить, что говорить... А Вовка твой – в нём в принципе что хорошего? Одевается стрёмно, учится так себе...

– Ну и что, – упрямо буркнула я.

– Это в детстве там у вас что-то было, – гнула своё Дашка. – Детство-то прошло. И вообще я его вчера с Ольгой Дорошенко видела в столовке. Они вместе сидели.

– Ну и что?! – уже крикнула я. – Мало ли кто где сидит!

– Ну да, из одного стакана трубочками пили, – со всезнающим видом проговорила Дашка. – Блин! Инет кончился, фотка только до середины загрузилась! Надо было карту на час брать! Я б тебе актёров из «Клона» показала... Классные такие.

– Знаешь что?! – психанула я. – Нафиг не сдались мне твои актёры. Я вообще домой пошла. Сама разберусь.

Пока я застёгивала пуговицы на светлой куртке-«плюшке», в коридор вышла тётя Галя.

– А чай не будешь пить? Я вам сырки глазированные купила.

Дашка выскользнула в прихожую. Взгляд у неё был ничуть не обиженный – расслабленно-ироничный. Спорить с ней не хотелось.

Я сказала тёте Гале:

– Спасибо большое, мне дома убираться надо. Я завтра приду.

Дашка – она вообще хорошая. Она моя подруга с третьего класса. Но иногда мы перестаём друг друга понимать. Вот сейчас – ну как она может говорить, что детство – это, типа, ерунда? Что она знает про меня с Вовкой? Ещё фотки «Клона» своего лезет показывать... Помолчала бы хоть. Ну да, мы были маленькие, но ведь сидели пять лет за одной партой. И рассказывали друг другу всё – про папу и маму, про бабушек... И вылавливали камни из ручья. И искали клады за гаражами. И строили планы во втором классе, как сделать, чтобы все были богатые, и нашим родителям платили зарплаты. Вовка тогда сказал, что в стране денег не хватает, а я взяла пачку бумаги и краски, чтобы рисовать купюры. Я хорошо рисовала для восьми лет...

В третьем классе мы решили, что поженимся в шестнадцать, а в седьмом он взял и рассказал об этом плане всем классу. Все смеялись. Дурак!

А хуже всего оказалось то, что Дашкины слова насчёт Ольки Дорошенко были правдой. Я увидела их рядом в столовке, а потом в школьном дворе. Он нёс её сумку, как когда-то мой портфель.

Только не это!..

Я пробежала три двора, чтобы никто из наших не заметил, и там уже дала волю слезам.

Ну, они у меня попляшут! Никогда они не будут вместе! Никогда! Он мой, мой с самого первого класса, и нечего этой Ольке даже смотреть в его сторону! Пусть ищет себе другого парня, вон в 9 «В» полно мальчишек! А этот – моя судьба!

Проредевшись, я побрела домой. Мама накормила меня ужином и спросила:

– В офис пойдёшь со мной?

Днём она работала медсестрой, а вечером подрабатывала – мыла полы в строительном офисе. Я часто ходила с ней. До сих пор слово «офис» у меня ассоциируется с ведром и пылесосом.

Идти мне никуда не хотелось, но мама выглядела сильно уставшей. Ещё бы – пашет в две смены уже сколько лет. Я старалась её не тревожить.

В офисе меня ждал сюрприз. На одном из столов бухгалтерского отдела красовалась яркая книга «Магия чёрная и белая». Обложка поблёскивала гляncем.

Я прикрыла дверь и принялась жадно перелистывать страницы. Заговоры от головной, от зубной боли. Календарь магических дел. Общение с духами. Ого! От недругов и неприятностей. Магия для любовных дел. Вот оно, вот!

Ручка! Листочек! Где листочек побольше?! У бухгалтерши в блокноте оторву...

– Ты что делаешь?

Я не успела даже понять, какой заговор переписывать, как в бухгалтерию зашла мама.

– Ты до ночи, что ли, тут сидеть собралась? Давай мой быстрее, ещё коридор тебе остался!

Я всё-таки похвасталась:

– Смотри, книга какая!

Мама, хоть и торопилась домой, заинтересованно перелистнула пару десятков страниц.

– Деньги, наверное, наколдовывают в свой офис, – решила она. – Чтобы квартиры у них продавались хорошо.

На следующий день я опять увидела Ольку рядом со своим Володей, и поняла, что действовать надо решительно.

Летом в пионерлагере одна девочка рассказала мне про сериал «Зачарованные», и с тех пор я стала смотреть его каждый раз, когда не ходила с мамой в офис. Три сестры-ведьмы

очень нравились мне, но до сих пор я ещё не дошла до мысли о том, что можно попробовать колдовать всерьёз, самой, по-настоящему.

В копилке у меня лежали деньги на новые кеды для лета. Но какие там кеды, когда позарез нужна магическая книга? Вытряхнув бумажные десятки и полтинники, высыпав мелочь, я отправилась в старый книжный магазин, где приятно пахло горьким миндалём и ванилином.

Магического добра в начале нулевых было навалом. На прилавке лежали «Практическая магия», «Сборник ритуалов, обрядов и практик», «Вуду в мегаполисе», «Хозяин места. Духи земли» и прочее, прочее... Колдовская книга бухгалтеров тоже имелась в наличии.

Отдав продавцу сто двадцать рублей, я прижала объёмистый том к сердцу и на крыльях полетела домой. В офис мама на сей раз, конечно, пошла одна. У меня было дело поважнее.

– «Сильный приворот на мужа», – читала я вслух. – Это не пойдёт, он ведь всё-таки не муж ещё мне... «Вызвать любимого на улицу». Я и так его в школе увижу... «Напустить тоску по себе». О! Нет, пока не пойдёт: надо же сначала с Олькой его развести... Вот: заговор на рассорку.

Я зажгла свечу, задёрнула шторы и, представляя себе лица Вовки и Оли, стала читать:

– Горы ль вы высокие,

Реки ль вы глубокие...

Дальше в заговоре шла речь о том, что раб Божий Владимир с рабой Божьей Ольгой должны быть «как собаки злые», «как вода и огонь». Тяжело дыша, я заклинала:

– Далеко друг от друга во веки, и все свят человеки им не подсобить, их не помирить, и не поженить. И не сегодня, и не завтра, и не послезавтра, и никогда!..

Руки мои дрожали, в горле пересыхало. Казалось, что последние слова отзываются эхом в нашей единственной комнате.

Ночью мне снилось загородное шоссе. Стояла непроглядная тьма, но в ней – сквозь неё – пролетали редкие машины. Вовка шёл по этой дороге, и я как будто видела его, но смутно: он постоянно пропадал из виду.

«Ничего, – думала я за завтраком. – Найдётся, куда он денется. Как захочу – так и будет».

Первые два урока прошли обычно. А перед третьим, зайдя за пять минут в класс, я так и застыла в дверях. Вовка почём зря кричал на Ольку Дорошенко и даже замахивался на неё учебником геометрии.

– Дура тупая! Куда мою сменку дела?! – орал он на оторопевшую Ольку.

– Да не брала я её, не брала, – оправдывалась Дорошенко, загораживая лицо руками.

– А куда она, блин, пропала? Там кроссы были – знаешь за сколько? Тебе за всю жизнь не заработать столько, поняла!

Он бросал Ольке в лицо какие-то гадкие, обидные слова, а та неуклюже извинялась. Смысл сказанного размывался в моём сознании всё больше: оставалась только жутковатая картинка с перекошенным Вовкиным лицом. За минуту до звонка он наконец утомился – кажется, его усадил на место кто-то из пацанов.

Я давно ничего не понимала в геометрии, а тут и вовсе перестала соображать. Как это может быть, чтобы Вовка... чтобы мой Володя говорил девушке такие гадости? Он ведь не может, он не такой... Или это всё только из-за магии? Значит, сработал мой заговор... Батюшки... Ну, конечно, сработал. Всё, как я просила, на блюдечке с голубой каёмочкой: чтобы как кошка с собакой, и никому не помирить. Да он же вот-вот её бить бы начал! Мра-а-ак... Мрак? Господи, точно... Какое же я сделала зло! Нет, я хотела, чтобы они расстались, конечно... Только как-то не так это представляла... Как-то благородно, что ли. А потом он такой: «Лена, я всегда помнил о тебе...»

Голова гудела, щёки пылали. Я бросила взгляд на Вовку: он казался равнодушным. Посмотрела в сторону Ольки Дорошенко: она почти плакала. А может, и не почти.

– Даша, – шепнула я подруге. – Знаешь, я, кажется, колдунья.

– Ты чокнутая, – ответила она. – Пиши, а не болтай.

– Девочки! – строго окликнула нас «математичка».

Я схватила предложенный Дашкой листок и накалякала своим детским почерком: «Я вчера прочитала заговор на ссору. И Вовка поссорился с Олькой. Видела же, как орал?!»

«Да я говорю тебе, debil он», – ответила Дашка.

«Думаешь, это из-за меня?»

«Да ХЗ. Что-то в тебе такое есть. Помнишь, на площадке гуляли, и там мальчик хотел прыгать через плиты, а ты ему сказала, что он нос разобьёт? И он разбил. А ещё сказала, что придёт 46-й, и он сразу пришёл».

Я часто спорила с ней, но именно сейчас больше всего хотела, чтобы Дашка просто высмеяла меня. А она – согласилась.

Но самое странное было впереди.

После уроков ко мне подошёл Вовка. Походка у него была развязная, от свитера пахло табаком.

– Ленка, давай я тебя провожу немножко? – сказал он.

Я сумела только кивнуть и молча передала ему свою сумку. Он закинул её за спину. Мы зашли во двор.

– Курить будешь? – предложил он.

– Нет, – сказала я. – Ты что, куришь?

Он отозвался не сразу.

– Достали все.

Затянулся сигаретой.

– Отец гуляет, мать на него орёт... На меня тоже. Учиться заставляет. А чё учиться?! Вон, она училась, и чё? Училкой работает. Вот радость-то.

– Да ладно, – осторожно возразила я. – Она у тебя нормальная.

Вовка прыснул смешком.

– Она? Нормальная? Да ты её не знаешь. Ты когда последний раз-то у нас была? В классе шестом. Психическая она. Увидела бы ты.

– А ты меня пригласи, – осмелела я. – Вот и увижу.

Вовка обернулся ко мне, приобнял одной рукой.

– Нахрен тебя домой вести, – сказал он. – Тепло уже, апрель. Поехали на дачу? У меня там всё есть. Кровать, плита... Пожрать приготовим. В субботу поедешь?

Я смотрела на него невидящими глазами:

– Куда?

– На дачу, блин! Недалеко тут, на городском автобусе до конечки.

– А-а-а... – протянула я.

Мне очень хотелось услышать своего прежнего друга, который мечтал вернуть деньги всем советским бабушкам и дарил мне мраморные камешки из лужи. Но его не было рядом. Был кто-то другой, жёсткий и равнодушный.

– Достали все, – повторил Вовка. – Девки – истерички тупые. Одна ты нормальная, Ленка.

Он придвинулся ко мне ближе, стал дышать в ухо. Я закрыла лицо руками.

– Ну ты чё?

Я поднялась со скамейки.

– Какая уж я нормальная, Вова... Где я – и где нормальная.

Он звал меня, но я не оглядывалась.

Мамы не было дома. Плача, я скинула ботинки и прямо в «плюшке» прошла в комнату. Открыла форточку. Хотелось поговорить с кем-то могущественным и добрым, но я не придумала ничего лучше, чем открыть окно.

– Пожалуйста, отмените всё, – обращалась я неизвестно к кому. – Я не хочу, чтобы он был такой. Я не хочу, чтобы они ссорились и дрались... Пожалуйста, простите, что я так сделала. Я добрая, я добрая, я добрая!

Слёзы катились по моим щекам. Книгу магии я сунула в тумбочку подальше.

Назавтра в школе Вовка был хмурым, сидел один.

А в субботу я пришла к Дашке.

– Наверное, ты была права, – признала я. – Я ведь с ним нормально не общалась после седьмого класса. Я совсем не знала, какой он человек. Любила какой-то образ из прошлого... Вот с тобой бы так не получилось. Ты – серьёзная. Ты только в настоящего влюбишься.

Дашка меланхолично зажевала жвачку.

– Да ладно, – она критически оглядела себя в зеркало. – Я полгода Мурило Бенисио любила.

– Кого? – выдохнула я.

– Ну, Мурило... Бенисио. Актёр такой бразильский. Он главного героя в «Клоне» играл. И его брата-близнеца. Я все его фотки скачала, всё о нём прочитала. И стала мечтать, как с ним встречусь...

– Ни фиги себе, однако...

Дашка кивнула.

– Думала: он такой взрослый, такой умный, такой вообще крутой. А потом прочитала, какие у него женщины были во время съёмок. Ну, и как-то прошло. А ты говоришь – Вовка, Вовка...

– Да я уже ничего не говорю.

– Влюбимся ещё, – успокоила подруга. – Какие наши годы. Девятый класс. Слушай, может, ты нам парней хороших наколдуюшь? Раз у тебя дар.

– Зачем колдовать? Их вон в Интернете наверняка навалом... Я как раз карточку принесла на два часа.

– Ленка! Ты молодец!

Даша обняла меня от избытка чувств и нетерпеливо стала стирать монеткой напыление.

Цыганская дочь

* * *

В доцифровую эпоху, в Маринином детстве, культурное развлечение в поселке было одно — телевизор. Маленькой Маринке особенно запомнился фильм с музыкой, в котором плакала и металась красивая девушка в голубом платье. Этот фильм часто смотрела мама. Там девушку мучили разные неприятные особы, и, видно, чтобы убежать от этих назойливых типов, она села на корабль и стала петь, а вместе с ней пели и танцевали совсем другие, веселые, бойкие люди в цветастых костюмах и с гитарами:

Мохнатый шмель — на душистый хмель,

Цапля серая — в камыши.

А цыганская дочь — за любимым в ночь

По родству бродяжьей души.

Милая девушка в голубом всплескивала руками, танцевала, смеялась. А потом праздник почему-то кончился, на девушку сердились и прогоняли ее с парохода на берег, в хмурое утро.

Маринке казалось, что умирает девушка не от выстрела, а оттого, что ее все гонят от себя, злятся на нее за что-то и бросают. Не злились только те, которые плясали и пели на корабле.

— Мама, а кто были эти веселые люди в кино? — однажды спросила маленькая Марина.

— Веселые? В «Жестоким романсе»?! — изумилась мать.

— Ну с гитарами-то! Такие разноцветные, красивые...

— А... Так это цыгане.

— Вот бы их увидеть! Красиво поют, — мечтательно сказала Марина.

Мать отмахнулась:

— Не дай бог встретиться! Воруют они и не работают. Ольга Ивановна рассказывала. Стояла в городе на остановке, там подошла к ней какая-то, просит: «Дай погадаю». Согласилась сдуру. Заплатила сотку, потом смотрит — а браслета на руке нет! И еще хуже бывает — в гипноз могут ввести. Заговорят-заговорят, усыпят и обдерут потом как липку. Поедешь когда-нибудь в город, так смотри, там на улице ни с кем не разговаривай...

* * *

В город Марина поехала после одиннадцатого класса, правда, в небольшой — Енисейск. Поступила в педколледж на специальность «изобразительное искусство и черчение». Соседки в общаге показались с виду дружелюбными, но потом стали подворовывать еду и устраивать посиделки с парнями по полночи. Постоянный шум мешал делать задания и спать, однако, когда девчонки уходили из комнаты, Марина чувствовала себя одинокой и брошенной. Ближе к выпуску соседки познакомили ее с Сережей, который тогда учился в многопрофильном техникуме на водителя, и через полгода Марина и Сергей в присутствии все тех же веселых общажных девчонок расписались, а еще через шесть месяцев Марина родила дочку Аню.

Жить стали в Енисейске у Серегинной матери. Та не слишком была рада подселению, пренебрежительно относилась к Марининой деревенской родне и однажды заметила вслух, что не такой представляла себе невестку. Но ссор не затевала и помогала с Анюткой: ходила с ней гулять, покупала питание. Марина слушалась свекровь, за короткое время запомнила, где какая банка стоит на кухне, где должны висеть полотенца в ванной, и делала все так, как привыкла хозяйка дома. Себя Марина хозяйкой не чувствовала, так и жила с постоянным ощущением, что находится в гостях. С девчонками из колледжа дружба разладилась. Выяснилось, что у них разные интересы, да и пригласить кого-то к себе было проблемой: гостей свекровь не любила и сама звала их только по большим праздникам.

Молодой муж с трудом устроился на работу. Везде требовали опыт вождения хотя бы от одного года — и в такси, и экспедитором, и тем более на вахту, где платили приличные деньги. Взяли Серегу только в ЖКХ, и вместо вахтового самосвала ему пришлось водить коммунальную машину. Уставал он сильно и домой возвращался злой.

— Не работа, а каторга, — жалела сына свекровь.

— Какую дали, — сквозь зубы отвечал Серега.

Марина уже не помнила, кто из них — муж или его мать — впервые озвучил мысль о том, что надо перебираться в Красноярск. Но, однажды произнесенная, эта идея стала обрывать плотью, и, когда Анютке было почти два годика, свекровь уже всю рисовала радужные картины счастливого бытия молодых в краевом центре:

— Первое время снимать будете, там у меня знакомые есть, со скидкой сдадут. Кристина, дочка-то моя, тоже сперва снимала, потом ипотеку взяла. Сережа на вахту устроится, а ты, Мариночка, тоже на работу пойдешь. Мы в наше время как? Ребенку год — уже всю работали!

— Куда я работать-то пойду? В школу нельзя... — слабо отбивалась Марина.

— Так ты в садик иди! У меня сестра вон в садике работала нянечкой по молодости. И сама сыта, и ребятишек устроила. Вот и ты девчущку свою пристроишь.

Марина не могла толком понять, почему от этих вроде бы заботливых слов ей стало так больно и обидно. Глаза внезапно наполнились слезами:

— Зачем нянечкой... Я уж тогда воспитателем пойду.

Маринины родители, узнав о том, что дочь с семьей переезжает в крайцентр, обрадовались еще больше и сулили золотые горы еще активней:

— Вот и правильно! Что в глуши-то сидеть? Езжайте, а мы деньгами поможем. Мы всю жизнь в деревне кисли, так хоть ты, может, в люди выбьешься. Второго родите — материнский капитал получите. Работу хорошую найдете. Опять же, сходить там есть куда... А здесь у нас и больницу вон закрыли.

И чем больше Марина слушала эти речи о сказочной красноярской стороне, тем сильнее не хотелось ей понимать того, что на самом деле стремились донести родители и свекровь, прикрываясь словами заботы. Она уже воочию представляла, какая у них с мужем будет маленькая уютная квартирка, где она сможет расставить все по своему вкусу, а в самом переезде стала видеть приключение, которого ей недоставало в жизни. И поторапливала Сергея собираться в дорогу.

* * *

После переезда Марина не спешила устраиваться на работу. Вначале нужно было делать ремонт в квартирке, которую им по дешевке сдали в аренду знакомые свекрови, потом — решать проблемы с документами. Первое время Марина искала заработок через интернет, но получалось плохо: паттерны для текстиля у нее не взяли, подвернулись только удачные заказы на иллюстрации для книжки и рисование стикеров для блога.

— Ты мелко плаваешь, не для того мы в Красноярск приехали, — учил жену Сергей. — Ты бы свой блог завела, мастер-классы записывала, стримы...

— Да когда мне этим всем заниматься?! Ребенок же...

— Ну или в садик иди... Мать же говорила.

Марина устроилась подрабатывать в детский центр: вела два раза в неделю кружок рисования, пока Серега сидел дома с Анюткой. Возможность пообщаться с людьми стала для нее глотком свободы после полугодового домашнего заточения. Однако платили там копейки, и через пару месяцев Сергей (к тому времени водитель маршрутки) опять напомнил жене про садик.

В двух садах Марину не приняли, объяснив это отсутствием у нее опыта, а в третьем заведующая, рыхлая белая дама с пышной наложенной прической, назначила ей собеседование.

— Что это вы, дорогая моя, нигде не работали? — Заведующая прочертила синим ногтем по году выпуска, обозначенному в дипломе.

— Я в колледже на практике была... В детском центре кружок вела, только неофициально. Картинки для книжки рисовала... — Марина облизала пересохшие от волнения губы.

Заведующая хмыкнула, и крупные серьги в ее ушах недоверчиво качнулись.

— Младшие дети в семье были? Няньчиться умеешь?

— Были! — искренне обрадовалась вопросу Марина. — Брат и сестра, оба младшие.

— О-о, вот с этого бы и начинала! В ясли пока пойдешь. Ну и ребеночка твоего возьмем, куда деваться... Сколько уже ей?

— Два года и десять месяцев.

— В «Ягодку» пойдет, в младшую группу. Нельзя, чтобы мать с дитем в одной группе были, — наставительно подняв палец вверх, сказала заведующая.

* * *

Напарницей Марины оказалась пожилая, отработавшая в яслях тридцать с лишним лет Надежда Петровна. Эта была женщина не злая, но и не добрая; не ленивая, но не сказать чтобы расторопная и трудолюбивая; не угрюмая, но и не особенно веселая. Ходила она всегда в одном и том же платье, лишь пару раз на памяти Марины сменив его на джинсы с кофтой. Марина

догадывалась, что когда-то Надежда Петровна была другой, просто десятилетия, проведенные с малыми неразумными детьми, приучили ее не думать и не чувствовать лишнего.

Каждое Маринино утро в яслях, если ей выпадала первая смена — с семи утра, началось с дикого ора. Дети не просто плакали — рыдали, протягивая руки к входной двери, мотая головенками и требовательно выкрикивая какие-то нечленораздельные звуки. Уже через несколько минут от этих воплей начинала гудеть голова, а успокаивались ясельники только к девяти часам, когда надо было начинать первое занятие. Марине было страшно жаль малышей, и, глядя их по головам, обнимая, она надеялась на то, что ее Анютку в другой группе тоже пожалеют и приголубят. Однако Надежда Петровна, как-то увидев, что Марина обнимается с ребятишками, сделала ей строгий выговор:

— Ты что делаешь?! Ты детей к рукам не приучай! Потом не слезут!

К октябрю дети начали понемногу осваиваться, кричали утром уже не так яростно, и за ними стало интересно наблюдать. Но поделиться этими наблюдениями Марине было не с кем. Надежда Петровна вроде бы тоже примечала какие-то вещи, но все в сугубо прагматическом ключе:

— Смотри, какая девчонка жоркая! Суп дочиста выхлебала.

Трудным делом для Марины было укладывание ребятишек в постель. В спальне они опять начинали хныкать, проситься на руки. Надежда Петровна пугала их бабайкой, механически поправляла одеяла, а про одного, особенно громкого, сказала так:

— Мы тебя будем слушать? Мы тебя слушать не будем. Возьмем тебя, положим и накроем, да и вся недолга.

Марина заметила, что старшая напарница нередко разговаривает сама с собой. Кроме нее в группе была еще нянечка Маша, оказавшаяся полуглухой и косноязычной. Маша почему-то стеснялась садиться завтракать. Марина жестами приглашала ее к столу, и только тогда нянечка, улыбаясь, соглашалась хлебнуть чаю с молоком и съесть бутерброд. Марине очень хотелось поговорить с Машей — по всему видно, доброй, заботливой девушкой, но Маша оставалась нема, а вокруг возились шумливые, но столь же бессловесные дети.

* * *

Занятия — рисование, лепка, развитие речи, физкультура — длились не больше пятнадцати минут каждое. В остальное время дети гуляли (всех их приходилось одевать, редко кто умел натянуть на себя хотя бы колготки) или играли в группе: катали машины, кидали мячики, рассматривали картонные книжки.

Марина обратила внимание на одного из мальчишек, которого звали Максим. Ему нравилось расставлять-переставлять стаканчики на специальной игрушечной кухоньке, складывать в кастрюльку маленькие пластмассовые овощи, «мыть» тарелки в раковине. Марина полюбила наблюдать за ним. У этого мальчишки были яркие, четко очерченные тонкие губы, широко распахнутые карие глаза с короткими черными ресницами и смуглая кожа с нежным румянцем. Из-за слишком выступающих скул и оттопыренных ушей его нельзя было назвать красивым ребенком. Но он подкупал своим прямым взглядом и тем, что, в отличие от других детей, говорил постоянно не «дай-дай», а, наоборот, «на-на».

— На-на! — повторял Максимка, взмахивая руками, как бабочка крыльями.

— Это он «няня» говорит. «Мама» то есть, — объясняла Надежда Петровна. — Больше ничего не умеет.

Максимкина мама приходила рано, в пять часов. Не сразу Марина узнала, что зовут ее Люба и она работает нянечкой в этом же саду, а узнав, не выдержала и спросила:

— Ну как вам здесь?

— Хорошо! Люди везде хорошие есть, да? — засмеявшись, ответила девушка.

— Да, — обрадованно подтвердила Марина.

Скоро они перешли на «ты». Люба каждый раз благодарила за то, что Марина хорошо следит за Максимкой, приносила в качестве гостинца какую-нибудь конфетку. Ее тоже нельзя было назвать красавицей, но она притягивала Марину своей необычностью: ярко красила губы, которые были пухлее, чем у сына, мазала веки бирюзовыми тенями, одежду надевала или блестящую, или каких-то кислотных цветов и всегда пребывала в радостном настроении. Глядя на ее смуглое лицо с плоскими скулами, карие блестящие глаза, опущенные густыми черными ресницами, Марина пыталась угадать, каких же кровей ее новая знакомая. В Маринином родном поселке жили осетины, работали на пилораме, но на них Любка ничуть не походила. На тувинку она тоже не смахивала: те, сколько их встречала Марина, были с толстыми лицами и узкими глазами.

«Таджичка, может?» — гадала Марина, но спросить не решалась.

Люба однажды, одевая вертящегося Максимку, спросила:

— А где у тебя родители, в Красноярске?

— В деревне... Отец плохой стал, болеет.

— А мой и не знаю где. В Таджикистане еще потерялся.

— Так ты таджичка? — вырвалось у Марины.

Любка вдруг лукаво усмехнулась, закусила алую губу и, откинувшись к стене, сказала:

— Да не совсем. Отец таджик, а мать и бабушка — цыганки. Бабушка у меня в таборе жила.

— А-а, — только и сказала Марина, пытаясь скрыть нахлынувший испуг.

Отец у нее старался не иметь дела даже с осетинами — не то чтобы думал о них плохо, но просто на всякий случай избегал. Мама поступала так же. А тут...

— Ты что задумалась? — окликнула Марину Люба.

— Ничего, — машинально ответила та.

Люба вздохнула и прижала затихшего Максимку к себе:

— Меня ведь бабушка вырастила. Мама то работала, то... Слушай, а муж у тебя где?

— Со мной, — удивилась Марина вопросу.

— Это хорошо, что с тобой... А мой вот где-то в Емельянове. Уехал и пропал... Слушай, а я сильно похожа на цыганку?

— Да вроде не очень похожа, — соврала Марина.

— Ну ладно, — успокоилась Любка. — А то, знаешь, я на мясном заводе работала, так там одна баба как уставится на меня! Ах, думаю, тебе рожа моя не нравится?! Прямо смотришь — и кусок в горло не лезет? Нас там, на заводе, чаем поили, колбасой, ветчиной кормили... Любишь колбасу?

— Люблю.

— И я тоже. Я в ночную смену работала. В одиннадцать чай, в два ночи обед — ветчину давали. Утром, в шесть, опять чай с бутербродами. Видишь, здорово как?!

— Но ты же почему-то ушла? Неужели из-за тетки этой?

Люба засмеялась, тряхнув волосами:

— Да черт бы с ней! Ночью не спать надоело, да еще холодно там, в цеху, — кашлять стала... Бабушка сказала: «Бросай-ка это дело, я больше с твоим ребенком сидеть не буду. А иди, дорогая моя, устраивайся в садик».

Марина удивленно поглядела на приятельницу:

— Знаешь, вот и мне так родные сказали.

Любка опять прыснула:

— Ну, значит, мы с тобой сестры!

* * *

Сергей за заправку отдавал каждый день тысячу шестьсот, за мойку — двести, за план (обязательную плату владельцу автобуса) — три с половиной тысячи, в выходные — две.

Однажды в выходной пассажиров было мало, и Серега после двадцати часов работы еще остался должен хозяину.

— Скотина! — ругался он дома. — Долг в тетрадку записал, а сам даже стоянку не может в порядок привести. И козел один в мой график влезает, не первый раз уже. Еще хоть раз влезет — дождется у меня, на конечной подкараулю.

— Что ты, что ты! — испугалась Марина. — Он, наверное, нечаянно... Всякое бывает.

— За нечаянно быют отчаянно, — недобро усмехнулся Сергей. — Хорошо тебе, в тепле сидишь, с детишками возишься. Обед бесплатный. Не надо по городу мотыляться, с гаишниками разбираться...

Марина почувствовала, как внутри у нее холодеет от этих несправедливых слов:

— Ты, что ли, думаешь, я отдыхаю там? Попробуй-ка пятнадцать человек на прогулку одень — спина отвалится! Да я...

Голос сам собой прервался от внезапно нахлынувших слез.

— Ладно, ладно, — смягчился Серега, небрежно приобняв жену. — На межгород надо перейти, вот где красота! Конкурентов нет, едешь себе по трассе, и бабки все твои! Через годик обязательно ипотеку возьмем.

В свободные вечера Серега уходил к каким-то новым приятелям, и тогда Марина оставалась с ребенком одна. В выходные иногда приезжала в гости его сестра Кристина, которая жила в Красноярске уже четыре года и работала в салоне красоты. Они с Серегой вспоминали детство, какие-то школьные проказы, общих знакомых, которых Марина не знала. Золовка хвалилась работой: выучившись на мастера маникюра, она зарабатывала сейчас, по ее словам, около сорока тысяч.

— Вот и ты бы ногти научилась делать, работа непыльная, — уже не раз говорил Сергей Марине.

Советы его были вроде бы дружелюбными, но Марине становилось обидно: она и без того старается — занимается и работой, и ребенком, но, видно, не вписывается в образ успешной городской дамы, какой ее желает видеть муж.

Сергей вообще любил поучить жизни и даже при просмотре фильмов обязательно сопровождал действия героев какими-нибудь комментариями. Он анализировал и оценивал все и вся: местную власть, архитектуру, красноярские дороги и автобусные маршруты, своих сменщиков. По поводу последних высказывался определенно:

— Мало толковых людей. У нас в Енисейске люди поумнее будут. А тут еще и нерусь кругом. Лезут в Красноярск все кто ни попадя.

— Так и мы тоже... лезем, — не выдержала однажды Марина.

— Мы — это мы, — глубокомысленно заметил Серега. — Нам можно, мы все равно у себя дома.

Марина уже и не знала, где ее дом. В съемной квартире с отваливающимися обоями, откуда они собирались переехать к лету? В Енисейске у свекрови, где было тепло и чисто, но неуютно и беспокойно? В родительском доме, где сейчас выросли и уже учились в десятом классе младшие брат с сестрой?

Марина проводила в садике полдня, и иногда ей начинало казаться, что ее настоящий дом — именно там. Если выпадала вторая смена, то с половины шестого Марина выводила всю группу на участок. Туда же выходила Люба со своим Максимкой. Марина еще смотрела на нее настороженно, однако разговорчивая Любка сама начинала болтать — о своем детстве, о школе, о ребенке, — и вскоре Марина заметила, что уже ждет, когда эта попрыгунья-стрекоза появится во дворе.

— Ты, наверное, девять классов окончила? — как-то осторожно спросила Марина.

Любка сделала такое оскорбленное лицо, будто ее заподозрили в страшных грехах, и, сверкая глазами, ответила:

— Я после хлебозавода в центр образования записалась! На «Космосе»! Все, как надо, окончила.

— Мама посоветовала?

— Не мама, а бабушка! Я ж тебе говорю: бабушка меня воспитала. Она мне говорит: «Иди учись!» Я и выучилась. Не такая, конечно, умная, как ты, но тоже ничего! — засмеялась Любка.

Марина стала замечать, что им всегда весело вместе. Не хотелось думать ни о том, что Серега стал куда-то пропадать даже в те дни, когда не выходил на маршрут, ни о том, что у Анютки обнаружили аллергию, ни о том, что звонил хозяин квартиры и повысил цену на полторы тысячи. С Любкой было легко, радостно, точно в детстве, когда идешь по жизни, зная, что тебя любят и в случае чего выручат из любой беды.

И вдруг Люба пропала.

* * *

В пятницу она просто не пришла на работу. Моросил осенний дождик, небо все было обложено серой ватой, и на улицу Марина решила с ребятишками не выходить. Включив яркий свет, сидели в яслях, читали книжки, играли. После второго завтрака Марина не выдержала, заглянула в группу, где работала нянечкой Любка. Там ей сообщили, что звонили той и на один, и на другой номер — ответа нет.

— Зарплату перечислили вчера, вот и загуляла эта шлендра, — махнула рукой многоопытная Надежда Петровна.

После выходных Люба объявилась как ни в чем не бывало, на все вопросы отвечала нехотя и уклончиво, и Марина в конце концов отстала от нее, подумав, что у подруги просто случилось какое-то недомогание.

На утреннике для старших ребятишек «Проводы Осени» Марина сыграла Зиму и заслужила похвалу заведующей:

— Так ты красиво говорить умеешь? И рисуешь еще! Надо, надо что-то с тобой сделать...

Эти слова скорее напугали Марину, чем ободрили, но оказалось, что в ноябре открывается новая старшая группа. Помещений в саду не хватало, и для новеньких пятилеток под группу переоборудовали спортзал.

Больше всех новости радовалась Люба:

— Хорошо, дорогая, что тебя перевели! Тебя надо к старшим. Ты умная. Посидеть бы нам с тобой где-нибудь после работы, кофе попить...

— Да нет у меня денег в кафе сидеть, — призналась Марина.

— Зачем в кафе? Домой бы к нам сходил. Только сейчас ремонт у нас. А к тебе можно? Марина представила себе вечно хмурое Серегино лицо и отрицательно покачала головой.

— Ну ладно. Скоро мы ремонт закончим, придешь к нам. Бабушка вкусно кофе варит.

Сын у Любы все еще не разговаривал, так и повторял только слова «няня» и «все-все».

Марина посоветовала приятельнице:

— Ты сходи с ним к врачу, к неврологу.

— Э, заговорит! Я вот, бабушка говорит, тоже молчала, только глаза таращила, а теперь слышишь, как болтаю! Не проблема это. Вот долг надо отдать...

У Любы был долг за садик, о чем знали все: подробный список должников с фамилиями и суммами заведующая вывесила в коридоре. Марина всегда старалась за все платить в срок и не понимала, как Любка нагнала долг в целую пятерку.

— Денег нет, — жалобно объясняла та на планерке.

Завхоз, ворчливая, как все работающие на этой должности, но довольно добродушная женщина, тут же, при всех, одолжила ей пару тысяч.

Марины бывшая напарница по яслям скептически хмыкнула:

— Ну, завтра вы вашу Любу не увидите...

— Да надоела она, — недовольно прибавила воспитатель Любиной группы, когда народ уже наполовину разошелся по рабочим местам. — То кружки не помоешь после сока. То банки после огурцов-помидоров в шкафу оставит. Куда их нам?! Все же выкидывать надо... А еще опаздывает!

Марине было обидно за Любку, которую она уже всерьез стала считать своей подругой. Подумалось про себя: «Увидите все, завтра она обязательно придет! И вовремя».

* * *

Любка и правда пришла без опозданий, и ее действительно увидели все. Не заметить ее в тот день было трудно. С дальнего конца коридора Любка торжественно шагала в сияющем синем наряде, серебристого люрексowego блеска которого был не в состоянии спрятать скромный нянечкин фартук. Подол облегающего трикотажного платья спускался ниже колен.

— Ну, красotka, привет! — сказала Марина.

— Привет! — радостно отозвалась Люба. — Как ты думаешь, мне идет?

Она игриво мотнула хвостом густых черных волос и выжидающе, словно ребенок после того, как рассказал стишок Деду Морозу, посмотрела на Марину.

— Красиво, Люба. Очень здорово. Только... На что же ты его купила?

— Мне же вчера Елена Семеновна дала денег.

— Но она думала, ты заплатишь за садик!

Люба обиженно выпатила вперед пухлую нижнюю губу.

— И ты так говоришь, как мои воспитатели. Но платье-то мне тоже нужно! Скоро Новый год, куда без платья-то, что за праздник?!

Марина вздохнула:

— Ты говорила, что у вас и еды мало...

— Да, мало... — согласилась Люба, задумчиво облизнув крашенные алой помадой губы. — Вот я и купила кофе и муку. Бабушка будет лепешки печь.

В садике все возмущались ее поступком, и больше всех, разумеется, завхоз, которой было жаль зря одолженных денег. В последнюю предновогоднюю неделю Марина не раз слышала, как та жаловалась на «проклятую нерусь» то коридорной нянечке, то вахтеру, то психологу.

На Новый год в подарок Анютке Люба принесла кулечек карамелек в шоколаде, косоглазую куклу и плюшевое сердечко, и Марине захотелось тоже сделать в ответ что-нибудь хорошее.

— Слушай, Люба, у тебя же остался долг за садик? — спросила она.

— Остался.

— Возьми, пожалуйста, от меня две тысячи займы и заплати хоть часть. Отдашь через пару месяцев.

Люба всплеснула руками и потянулась к Марине с объятиями:

— Ой, спасибо, дорогая! Ой, спасибо!

— Пообещай, что заплатишь долг, — сказала Марина, вспоминая, как десять лет назад отцу звонили коллекторы и, по-всякому угрожая, требовали вернуть банковский кредит.

— Заплачу, заплачу! Вот ты подруга настоящая! С Новым годом тебя! Счастья тебе! Здоровья!

— И тебе, Любочка! — от души сказала Марина.

* * *

После новогодних каникул Люба проработала с неделю, а потом опять пропала.

Все ожидали, что будет как осенью, но она не объявилась ни на следующий день, ни после. Телефон, само собой, не отвечал.

Марина не на шутку переживала. Сказала дома Сергею:

— Тут пропала... у нас одна. На работу не выходит. Не знаю, что и думать.

— Что думать! Забухала.

Марина покачала головой:

— В деревне у нас однажды пропал человек, потом в лесу нашли... Так его хоть искали, а тут и дела никому нет!

— Ну ты иди поищи, — равнодушно бросил Сергей.

На очередной планерке заведующая сказала, что собирается заочно уволить Любку.

— Может быть, с ней что-то случилось? — робко предположила Марина.

Все вокруг посмотрели на нее с какой-то снисходительной жалостью: мол, неужели не понимаешь? Чувствуя, что краснеет, Марина все-таки решилась сказать:

— Я все понимаю, конечно, но... Вдруг и правда случилось что? Надо бы узнать...

— И как же мы это узнаем? — иронично поинтересовалась заведующая, постучав по столешнице зелеными ногтями.

Марина оправила юбку.

— Надо съездить к ней. Я поеду. Адрес же есть в журнале, в ясельной группе...

Заведующая неожиданно быстро согласилась:

— Давайте съездите к ней. Только побыстрее, чтобы мне определиться, увольнять уже ее или как.

Надежда Петровна глянула на Марину то ли с осуждением, то ли безразлично:

— И не боишься ехать черт-те куда? Ребенок у тебя! Заразу подхватишь еще...

* * *

В яслях Марина выписала Максимкин домашний адрес и на следующий день после работы поехала туда вместе с Анюткой. Оказалось, что живет Люба неблизко. Марина ожидала увидеть частный дом, но это была обыкновенная пятиэтажка-хрущевка, правда, расположенная далеко от остановки, у берега Качи. Судя по номеру квартиры, Любино семейство обитало на первом этаже, и Марина облегченно выдохнула: это означало, что им с дочкой не придется дожидаться, пока кто-нибудь выйдет из подъезда, достаточно стукнуть в окно.

Стучать пришлось несколько раз. Наконец тюлевую занавеску приоткрыл высокий и худой темноволосый парень.

— Позовите Любу, пожалуйста!

Тот не шевелился.

— Любу! Любу позовите! — Марина подумала, что парень плохо слышит, и перешла на крик.

Занавеска мотнулась обратно, в квартире послышались какие-то возгласы, стук, шаги. Через пару минут дверь подъезда открыла Любка.

— Это ты! Это что же, правда ты? — схватив Марину за руки, восторженно прошептала она.

— Да я, конечно...

— И доченька твоя! Ой, да вы мои хорошие!.. Пойдем!

Когда из тускло освещенного подъезда они вошли в прихожую, Марина увидела, что смуглое лицо подруги сделалось землисто-зеленоватым и заметно похудело. Плечи тоже утратили полноту, стали острыми, и во всей фигуре ощущались усталость и нездоровье. Любка куталась в длинный, заношенный фланелевый халат.

— Болеешь? — участливо спросила Марина.

Та не отвечала, пока они не прошли на кухню. Там на клеенчатом диванчике сидел в одних трусах довольный Максимка и столовой ложкой поедал сгущенку из банки.

Люба подвинула Анютке чашку с карамельками и глубоко вздохнула.

— Маришка, плохо мне... — Она испуганно оглянулась, не стоит ли кто-нибудь за дверью кухни. — Ты только шепотом говори, ага? Я болею... Слабость такая, тошнит... Прямо сил нет встать. С утра выворачивает. Не знаю, что же это, раньше не было так...

Ошеломленная догадкой, Марина вопросительно уставилась на нее:

— А ты, случайно...

— Да, да... — Любка выставила вперед ладонь, не дав Марине договорить. — Не знает никто пока.

— А он?

— Он знает. Сказал, подумает.

«О чем?» — не поняла Марина, но расспрашивать не стала: и без расспросов Любка выглядела вымотанной и уставшей.

Помолчав с полминуты, Марина решилась сказать:

— На работе-то ищут тебя, Любовь. Заведующая и вовсе хочет уволить. Ты бы хоть позвонила ей... Нельзя же так теряться! Позвони.

Люба вжалась в угол кухни, замотала головой:

— Я боюсь! Меня уже столько не было, будут сильно ругать. Сильно-сильно будут ругать...

— Ну что же делать, все равно надо позвонить, прийти, — пыталась убедить ее Марина. На глазах у Любы блеснули слезы.

— И за работу ругать будут, и за это... Бабушка ой-ой как будет ругаться! — вцепившись тонкими пальцами в грязное полотенце, шепотом повторяла она.

Марина вздохнула:

— Ну что ты как маленькая...

Люба совсем расплакалась и кинулась подруге на шею.

— Скажет: «Куда ты мне понарожала!» О-о...

— Ну что ты, что ты? Муж ведь у тебя вроде как есть...

— В Емельянове он... Я ведь тебе говорила.

— Так что же, он с тобой не живет?

— Нет, почему... живет иногда.

— Так куда он подевался? — все еще не могла понять Марина.

Любка осторожно высунулась в коридор, убедилась, что ее родные смотрят по телевизору какой-то фильм, и вполголоса стала рассказывать:

— Бабушка не хотела, чтобы я с ним жила. Она мне другого жениха сватала. Он бы нам банку золота дал. А я, когда на мясном работала, с Яном вот сошлась. Он, знаешь, такими делами занимается... — Люба неопределенно покрутила рукой в воздухе. — Ну, незаконными... немного. Одно время у нас тут жил. Но он такой горячий! Сердится быстро. Кричал. Бабушка тоже сердилась. Один раз у них драка была, во как!.. Я и уехала с ним. А мама его меня не любит, вот.

— У меня так же! — вырвалось у Марины.

— И брата моего они не любят, и бабушку... Но сам Ян хороший! Это мать его портит. И дядька с отцом.

— Все портят бедного парня, — иронично заметила Марина.

— Все портят! — тряхнула головой Любка. — Бабушка так сразу сказала: порчу на него навели. Жалко, она не умеет снимать... Вот он взял да уехал в Емельяново. А я тут с Максимкой осталась. Тут бабушка, мама, отчим... Накинулись на меня: как это муж тебя бросил?! Это же позор... Плохая, значит, жена. Бабушка говорит, что я хозяйка плохая...

— Вот ты и поехала его искать?

— Да. А он ни телефона не оставил, ничего... Только сам иногда приезжал, когда хотел. Летом был, потом в октябре был. А в ноябре, декабре ни разу и не приехал. Я соскучилась по нему. И поехала его искать... когда каникулы были.

— И нашла? — удивилась Марина.

— А то! — с гордостью ответила Любка. — Людей поспрашивала и нашла.

Марина пристально поглядела на нее, только сейчас сопоставив все факты.

— Ты, получается, как раз у него была на Новый год?

— Не на сам Новый год, а второго января. А третьего я уже сюда уехала. Чтоб мои не потеряли.

— Подруга... — изумленно покачала головой Марина. — Ну ты снайпер! За один день... Точное попадание!

— Какой снайпер? — не поняла Любка.

* * *

В кухню заглянула одетая в черное старуха. Она была не очень высокой, но статной, и во всей ее тяжеловесной фигуре чувствовалась величавость.

— Бабушка, это подруга моя, Марина, — представила гостью Люба. — Мы с ней вместе работаем, я тебе про нее рассказывала. Она вот пришла узнать, как я...

Марина вежливо поздоровалась.

— А я ей объяснила, что сейчас болею, на больничном сижу и мне эту неделю можно на работу не приходить, — затараторила Люба, взглядом показывая приятельнице, чтобы та молчала и не возражала.

Старуха метнула на внучку сердитый взгляд и тотчас накинулась с упреками:

— Так что же ты сидишь? Доставай колбасу, доставай винегрет! Человек переживает о тебе, а ты его голодом моришь!

Любка мгновенно выпрямилась, как струна, и подлетела к холодильнику.

— Ты проходи туда, в зал, — пригласила Марину старуха. — Проходи-проходи! А дети пусть игрушками поиграют.

Кроме Любы и ее бабки в квартире было еще трое людей: худая маленькая женщина, в которой Марина не сразу угадала Любину мать, высокий парень — тот, что выглянул на Маринин стук в окно, и еще какой-то невзрачный, скромно одетый мужичок, который, сидя в кресле, чинил сапоги.

Главной здесь явно была старуха. Она небрежно представила остальных:

— Это Сашко — внук мой. Злата — дочка. Вася — зять. Любку знаешь.

Любкин брат Сашко переключил телевизор на музыкальный канал. Он только делал вид, что занят передачей, а сам смотрел на гостью с живым интересом. И хотя в молчании этого странного парня было что-то пугающее, его внимание тешило женское тщеславие Марины и вместе с общей необычностью обстановки настраивало на неожиданно веселый лад.

Квартира была двухкомнатная, с широким коридором и просторной кухней, но какая-то по-деревенски бедная. (Марине даже вспомнилось, как она однажды пришла домой к своей школьной подружке: там тоже жили большой семьей, все время нуждались, но как будто не замечали своего почти нищенского положения.) На полу лежали дорожки из яркой ленточной пряжи, в коридоре висели фотографии, картинки, календари, какие-то тряпичные человечки, а над входом в кухню — большая декоративная подкова. Мебель всюду стояла старая, еще, наверное, брежневских времен: антресоли шкафа без дверок, посуда на стеклянных полках серванта закрыта только наполовину. Диван в большой комнате, где накрывали стол, тоже был старый и немилосердно скрипел, но его дряхлость удачно прикрывали золотистый плед и ярко-алые узорчатые подушки. Полстены занимал ковер, на котором была изображена целая картина: звездная южная ночь, виднеющийся вдали дворец и двое всадников, видимо, спасаю-

щихся от погони. Один из них держал наготове ружье, другой прижимал горячо льнущую к нему красавицу.

— Красиво, да? — довольно усмехаясь, спросила бабка, и без того зная ответ.

Люба с матерью постелили на стол пеструю скатерть, поставили тарелки с нарезанной колбасой, салом, чашку с винегретом, холодную вареную картошку.

— А хлеб, а салфетки?! — продолжала командовать старуха.

Мать с дочерью продолжали кружиться по дому, повинуюсь ей беспрекословно. В воздухе витала непередаваемая смесь запахов старой мебели, чеснока, пряностей, терпкого кофе.

Наконец все сели за стол.

— Ну, Бог благослови, — торжественно сказала старуха.

Марина не в силах была оторвать глаз от Любкиной бабушки. Трудно было определить, сколько той лет. Морщинистые руки, пятна на лице и шее говорили о преклонных годах. Но при этом движения у нее были быстрые, волосы еще не совсем поседели и оставались цвета «соль с перцем», а глаза, темные, как осенняя ночь, смотрели пристально и строго. Она будто видела человека насквозь и знала про его жизнь даже такое, чего он и сам не предполагал. Так, во всяком случае, казалось Марине.

После мяса и винегрета Любина мать подала кофе с карамельками и сухарями.

Старуха отпивала медленно, с наслаждением.

— Сколько, говоришь, лет твоей дочке? — спросила она Марину.

— Три.

Старуха облокотилась на ручку старого коричневого кресла.

— А у меня две дочки. Сын в Таджикистане был — убили. В девяносто третьем году. Мы убежали оттуда. Как раз Любка родилась. Отец ее там остался — не знаю, живой сейчас или нет. Куда бежать, не знала. Женщина одна, из наших, сказала: в Красноярск надо ехать. Ну, поехали в Красноярск. В деревянном доме жили, потом вот квартиру нам дали. Ничего зажили, хорошо. Любка вот только с Яном с этим связалась...

Люба закатила глаза к потолку, дернулась, но ничего не сказала.

— Родня его нас не любит, губу кривит: джуги, джуги... А мы что — мы люди простые, советские... Ты кофе-то пей. У меня хороший кофе. Я лучше без хлеба посижу, а кофе сварю.

— Спасибо, — сказала Марина. Кофе для нее был слишком крепкий, кисловатый.

— Угощайся... Посуда красивая у меня. Я ее на рынке «Злобино» у одного деда сменяла. Цветок ему продала в кадке. Сказала — лечебный.

— Правда лечебный? — уточнила Марина.

— А кто бы его знал! Может, и правда. Слушай, а ты почему к нам раньше не приезжала? Марина растерялась:

— Так вы меня не звали.

Старуха усмехнулась:

— А мы никого не зовем. Кто знает — сам приходит... Ты приходи. Мы тебе рады будем.

— Приходи! — точно разморозившись, энергично кивнул Сашко.

* * *

Только вернувшись домой, Марина спохватилась, что совсем забыла спросить имя Любкиной бабушки.

— Тома ее зовут. Тамара Михаэлевна, — ответила Люба по телефону. — Слушай, ну как ты думаешь, мне к заведующей прийти?

— Конечно, прийти! Она ведь ждет, — как можно убедительней сказала Марина.

— Так ведь страшно... Может, ты со мной сходишь?

Марина, сама себе удивляясь, ответила:

— Обязательно схожу.

Договорились, что Любка придет в понедельник, но она появилась только во вторник и перед самым кабинетом заведующей думала повернуть назад. Одета она теперь была скромно, в легонькую куртку на рыбьем меху, из-под которой виднелся подол затасканного шерстяного платья, и только лиловые сапоги на шпильках выдавали в ней кокетливую модницу.

— Попроси, чтобы оставили, — посоветовала Марина, чувствуя к подруге какую-то жалостливую нежность.

Любка слабо помотала головой:

— Нет... Подумай сама, как мне тут работать? Все надо мной насмехаться будут. Одна ты нормальная.

Марина вынуждена была согласиться. Как только Люба появилась в садике, завхозиха — вроде как в шутку — замахнулась на нее лопатой, а тетки-воспитательницы, гулявшие с детьми на участке, поглядели так осуждающе, что Марине бы и самой расхотелось идти куда-то мимо них.

— Ну понимаешь, надо... Ты иди, а я здесь, рядышком постою.

Через неплотно закрытую дверь Марина слышала, как заведующая, сердито стуча ногтями по столешнице, выговаривает Любке за ее прогулы. Та всхлипывала, каялась, умоляла простить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.